



П. Е. ДЫБЕНКО

<«Маленький Наполеон»>

<...> Неизбежность диктатуры в лице Корнилова, или Керенского, или Корнилова, Керенского, Савинкова и Филоненко вкупе, причем каждый из них считал себя вполне подготовленным к роли диктатора военного и гражданского, обосновывалась существовавшим двоевластием того времени.

Коалиционное правительство, осуществлявшее идеи буржуазии, тем самым вело систематический поход против все возрастающего поступательного хода развития революции. Меншевистско-эсеровская лжедемократия, отстаивавшая Советы как свои органы, чинила правительству препятствия в деле создания крепкого административного аппарата на местах. Советы и выборные армейские и флотские организации под напором масс замыслили и составляли обширные планы деятельности, но ни одного плана не могли проводить в жизнь. Конфликты возникали поэтому неизбежно. Временное правительство и его комиссары на местах являлись усмирителями революционных организаций. Офицерство под благовидным предлогом невмешательства в оперативные действия и сохранения в армии и во флоте дисциплины требовало разгона армейских комитетов и флотских организаций. Конфликты низовых революционных организаций с Временным правительством и его комиссарами, возникавшие под напором масс выборщиков, вызывали репрессии со стороны власти в виде приказов Керенского от 7¹ и 9 июля². Подобное положение не могло длиться до бесконечности: либо Советы должны были взять власть в свои руки, либо коалиционное правительство, олицетворявшее идеи буржуазии, должно было смести Советы. Мирное сожительство

двух противоречивых, исключаящих друг друга режимов не могло долго длиться. Но для эсеровско-меньшевистской лжедемократии, отказавшейся после распада коалиции в июле передать власть Советам, требовался благовидный предлог, чтобы осуществить второй принцип: разгон Советов и утверждение крепкой, объединяющей все «живые силы страны» власти. Таким предлогом и явились события 3–5 июля, окрещенные «демократией» походом большевиков против родины и революции, против Советов. В поисках способов сплочения «живых сил», начиная от господ Корнилова, Алексева, Гурко — этих махровых черносотенцев, командовавших армиями, — и кончая цензовой буржуазией в лице бубликовых, рябушинских, милюковых, родзянко и обанкротившейся правящей «демократии», и созывается Московское совещание³. На этом совещании почетное место и наибольшее представительство получила явная контрреволюция, которая после встречи с Корниловым и после публичного рукопожатия, которым обменялись Церетели с Бубликовым^{4/5}, требует передачи полноты власти буржуазии и ликвидации Советов. Одновременно бонапартизм Керенского толкает его на сговор с Корниловым в целях осуществления военной и гражданской диктатуры.

Московское совещание — этот контрреволюционный парламент, созданный в благочестивой древней столице, явился заключительным актом подведения итогов сожителству буржуазии с русской лжедемократией и смотром контрреволюционных сил. Окрыленная контрреволюция не заставила себя долго ждать. Корниловский поход, согласованный с Керенским, Филоненко и Савинковым, при посредничестве князя Львова, явился открытым и незамаскированным походом против революции, против Советов, против выборных армейских и флотских организаций. Но коалиция мечтавших попасть в диктаторы Корнилова, Керенского, Савинкова и Филоненко неожиданно для себя наткнулась на непреодолимое сопротивление петроградских рабочих, кронштадтцев и балтийцев, которые в июле были обезоружены, на сопротивление тех самых петроградских полков, которые в июле прибыли с фронта для подавления «восстания» большевиков. Армия отказалась последовать приказу Корнилова. Это непредвиденное диктаторами сопротивление заставило Керенского предать Корнилова и обратиться с призывом к тем, кто по его же приказу был разрушен в июле и запрятан в тюрьмы; это заставило его легализовать большевиков, чтобы под их непосредственным и активным руководством отразить предательское нападение генеральской

контрреволюции. «Маленький Наполеон», облекшийся в опереточно-шутовскую тогу, Керенский и на этот раз, после отражения генеральской контрреволюции, пытался нажить политический капитал: он старался скрыть свое участие в заговоре и приписать себе организацию победы над Корниловым. Но на сей раз ничем не прикрытая ложь не могла обмануть рабочих, солдат и матросов. ореол трибуна Керенского померк навсегда даже среди отсталых рабочих, солдат и матросов, даже среди буржуазии. Разосланные во все концы агитаторы лжедемократии с увещеванием о доверии Временному правительству во главе с Керенским не только не имели успеха, но были освистаны и изгнаны.

